

Б. К. Двинянинов
аспирант Русской
христианской гуманитарной
академии

**ТАНАТОЛОГИЯ А. Т. БОЛОТОВА
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КНИГИ
«О ДУШАХ УМЕРШИХ ЛЮДЕЙ»)**

Научный руководитель:
д-р ф. наук,
проф. Р. В. Светлов

Copyright © 2012, Б. К. Двинянинов

*Но не случилось ли вам слышать и дать уверить
в том себя,
Что наша жизнь не получает при умирании конца?
«О надобности помышлять о жизни после смерти»
А. Т. Болотов*

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) прожил долгую интересную жизнь, известен он многими достижениями в области агрономии, лесоводства, садоводства и ботаники, но и его философские работы внесли не меньший вклад в развитие русской культуры.

К концу своей жизни Болотов пишет в 1823 году сочинение «О душах умерших людей», но этой работе предшествовали еще две: «Предполагаемые наугад происшествие на том свете и разговоры в мире духов у душ умерших людей между собой и Ангелами» (1823) и «Старик со внуком, или Разговоры у старого человека с молодым его внуком» (1822). Все три произведения, а в особенности «О душах умерших людей», затрагивают вопросы танатологии и пневматологии и написаны в виде диалогов.

Диалог стал классической формой для рассуждения на предмет загробного существования души еще со времен Древней Греции. Диалог «Федон», созданный Платоном, можно впрямую считать основополагающим и классическим текстом философского осмысления «Жизни после жизни». Устами Сократа Платон раскрывает древние орфическо-герметические представления о загробной жизни, но уже в ином философском ключе, который является переосмыслением пифагорейской «танатологии». «Федон» представляет собой произведение, несущее пантеистическую концепцию метемпсихоза, а также политеистическую концепцию Аида как места страдания грешных душ. Произведения же Болотова построены на основе философски осмысленной иудео-христианской идеи загробного существования, фундамент которой — идея спасения немногих после Страшного суда — это так называемая монотеистическая концепция посмертного воздаяния. Таким образом, по форме и основной теме похожие произведения дают различные ответы на вопросы, касающиеся потусторонней реальности. Нужно отметить, что подобные произведения часто создавались в течение всей истории человечества. Ярким примером здесь могут быть гностические школы первых веков нашей эры (многие апокалипсические трактаты дошли до наших дней). Отдельно хочется выделить герметическую традицию, во многом

схожую с гностиками иудео-христианского толка. Именно наследие герметизма оставило множество диалогов, посвященных проблематике посмертного существования и строения духовного мира человека. Особенно примечательны два из них: «VIII. О том, что ни одно из существ не погибает и заблуждение есть то, что люди называют перемены» и «X. Ключ». Эти трактаты Герметического корпуса очень схожи с платоновскими диалогами «Федон», «Федр» и «Тимей», а также произведениями неоплатоников. Помимо философского содержания, они пропитаны религиозно-гностическим духом, что делает их уникальными творениями той синкретической эпохи. Эти диалоги также в большой степени схожи с произведениями Болотова по своей форме. Но если в «Федоне» Сократ ведет разговор с учениками в диалектической форме, то структура Герметических трактатов совершенно иная. В них Гермес Трисмегист является учителем (а возможно, даже богом на земле) и раскрывает в разговоре со своим сыном Татом и любимым учеником Асклепием суть учения, которое он постиг благодаря Божественному Уму. Тат и Асклепий выступают как хорошие слушатели и задают вопросы учителю, а иногда объясняют собственные воззрения, которые или приветствуются похвалой, или корректируются словами Гермеса. Аналогичную картину мы можем наблюдать в разговоре «О душах умерших людей». Здесь внук приходит к своему дедушке, чтобы тот разъяснил ему несколько вопросов, которые касаются загробной жизни человеческих душ. Старик рассказывает внуку то, о чем он думал всю свою жизнь, во многом исходя из текста Святого Писания. Внук же в свою очередь проявляет качества, подобные которым мы можем видеть в учениках Трижды Великого Гермеса. Намеренно это сходство по форме или случайно — не столь важно, но оно отображает некую границу познания в данном вопросе. И та, и иная традиция опирается на откровение (христианское и герметическое), хотя в итоге мы сталкиваемся с противоречивостью выводов относительно жизни после смерти. Отметим, что даже Платон, пытаясь во многом рационализировать взгляды своих мистических предшественников, оканчивает «Федон» неким мифом о загробном мире, указывая на иррационалистический источник познания этой темы. Гермес, как уже упоминалось, старается призвать к пониманию божественного Гнозиса, который ему раскрыл извне Поймандер (Бог или Ум Божий). Болотов аналогич-

ным образом опирается на Библию и, возможно, апокрифическую традицию, тем самым заимствовав источник откровения у христианства и уже на его основе сделав размышления в философском ключе. На всем пути повествования Андрей Тимофеевич, устами старика, придерживается одной концепции, просто более широко и полно раскрывая ее аспекты. Спора как такового не происходит, ведь второй персонаж показан как ученик, внемлющий человеку более опытному и, главное, знающему Откровение о том, что познать в силу человеческой природы невозможно. Но сам старик при этом не говорит, как, скажем, Гермес, слова единственно верного Знания. Часто встречаются слова, утверждающие, что мы с «точностью и достоверностью знать не можем, но...» мыслить об этом и описать предположительно в состоянии. Именно этими предположениями и изобилует произведение Андрея Болотова. Многие религиозные аспекты православного христианства сохранены и объяснены в его работе в таком духе, благодаря которому она может быть названа философским, а не религиозным текстом. Но в силу невозможности человеку в этой жизни до конца осмыслить то, что его ждет после нее, Болотов вынужден искать источник в рамках все же религиозной традиции, а самой близкой ему, естественно, является традиция православного христианства.

Состоит произведение «О душах умерших людей. Разговор у старика со внуком» из 9 диалогов, которые имеют последовательную связь между собой, представляя тем самым единую беседу старика и внука. Можно также разделить данное произведение на две почти равные по объему части. В первых разговорах речь идет о состоянии души человека сразу после смерти и ее «жизни» до Конца Света. Во второй половине произведения автор раскрывает вопросы, связанные со вторым этапом посмертного существования, а именно говорит об участии душ во время и после Страшного суда. Еще одним принципом разделения могут являться семь вопросов, которые задает внук в самом начале беседы. На основе этих вопросов мы и рассмотрим подробнее танатологическую концепцию Болотова.

В первом разговоре «О бессмертии души» внук просит старика ответить на несколько важных, волнующих его вопросов. А мы, для удобства изложения, будем излагать их по порядку, но сразу предоставляя ответ старика.

1. «Хотелось бы мне знать: подлинно ли они бессмертны и не умирают вместе с телом, так как многие из нашей братии думают? И будь в самом деле бессмертны, то чем бы сие неверующим доказать и их в том переубедить было?»

Старик утвердительно отвечает на вопрос о бессмертии души и говорит о том, что есть заблуждение в смертности души, а доказательства ее бессмертия стоят на твердых основаниях. Те, кто считают, что душа смертна, во-первых, бояться воздаяния за дела свои, во-вторых, поддаются под влияния злых духов. Далее на протяжении первой главы он разворачивает

три рода доказательств. Доказательства первого рода, основанные на заключениях ума, состоят в том, что человек не мог быть создан лишь для этой короткой жизни, о чем свидетельствует неумолимое желание людей жить вечно. Доказательства второго рода основаны на Слове Божьем, изложенном в Откровении. Доказательства третьего рода указывают на многочисленные примеры созерцания призраков умерших различными людьми. Здесь мы видим прямую связь между представлениями о человеческой душе и посмертном существовании.

2. «В случае бессмертия оной, в каком образе, виде и состоянии они при умирании людей из тела их выходят?»

Второму вопросу посвящена первая половина следующей беседы. Старик сразу отмечает, что есть возможность говорить о двух состояниях души: внешнем и внутреннем. О внешнем состоянии «гадательно» предположено, что душа имеет форму, похожую на внешний вид умершего, тому доказательством вновь является встреча с призраками покойных. Также утверждается, что душа способна к росту подобно тому, как растет человек, но в достоверности мы знать не можем, где она находится в теле при жизни. После смерти душа получает определенную легкость перемещения в пространстве. О внутреннем состоянии души же говорится, что оно соответствует тому ее состоянию, в котором прибывал человек в момент смерти, притом сохраняются все душевные желания и стремления. А наши пять способов чувств должны остаться в материальном теле, но при этом в душе обязаны существовать аналоги им.

Интересно, что Болотов неоднократно в своих доказательствах в процессе всего повествования основывается на созерцании призраков разными людьми, эти факты для него являются весьма весомым аргументом в пользу существования жизни после смерти. В действительности, если обратить свой взгляд на различные представления о загробной жизни, то мы найдем похожий аргумент как в «Федоне» Платона, так и в Книгах мертвых Египта и Тибета и в других зафиксированных источниках. Таким образом, встречи с некими духовными оболочками умерших были зафиксированы в мире достаточно давно, и часто при вопросе о посмертном существовании к этому факту прибегают как к утвердительному доводу. Иным же аргументом схожего порядка, который мы не находим у Болотова, являются зафиксированные состояния катабасиса (сошествие в загробный мир с возвращением из него). Вероятно, причина, по которой Болотов не обращает внимания на этот довод, в том, что он связан с мистической, даже в некотором роде шаманской, традицией, которая отвергается христианством почти в полной мере. Исключением составляет «Сошествие во Ад» Иисуса Христа, а также подобные случаи с некоторыми святыми (более полно эти моменты раскрыты в христианских апокрифах). Но это не рядовое явление, а некое проявление чудесной божественной воли, которое скорее

трактуются в рамках Откровения, нежели как частое явление среди людей.

3. «Куда они деваются? В мире ли здешнем подле нас остаются или куда в иное место переходят, переносятся или препровождаемы бывают?»

Вновь об этом «с достоверностью ничего не знаем и знать не можем», но возможным старик считает то, что души какое-то время могут прибывать в атмосфере, а уж потом отправляются в назначенные места по своим внутренним качествам, где будут пребывать до воскресения из мертвых. Далее заходит речь о возможности душам наблюдать за тем, что происходит в мире живых. Здесь следует необходимость общения между душами, а также возможность слышать или знать, что происходит на земле. Тому в доказательство приводится моление святым, поскольку без уверенности в том, что они нас слышат, этого бы быть не могло. Но, с другой стороны, это не доказывает, что такой порядок относится к абсолютно всем душам. К слову скажем, что в таком ключе размышления примером могли бы стать различные практики вызова и общения с душами умерших. Даже в русских народных представлениях такие вещи имеют место, к примеру, в святочные дни некоторые гадания и обряды основаны на общении с предками. Но всегда в любых таких «общениях» встречаются некие ограничения в силу природы души умершего, тут уж действительно предстает сложная, запутанная картина. Так, в силу совершенной неясности в этом деле, беседа переходит к рассмотрению четвертого вопроса.

4. «Подлинно ли будет воскресение мертвых, и буде подлинно будет то, что с ними до того времени происходит, покида они при общем воскресении всех мертвых соединятся с прежними телами своими?»

Этому вопросу, помимо окончания второй главы, также посвящен весь третий разговор. Акцент здесь делается на внутреннем состоянии души после смерти. Это состояние, как легко понять из диалога, напрямую зависит от тех дел, стремлений, привязанностей, желаний, коими обладала душа человека при жизни и в сам момент смерти. Все это отягощает душу, и поэтому нужно уже при жизни стремиться к душевному очищению, чтобы в посмертном существовании не испытывать страдания вплоть до момента наступления Страшного суда. А отягощение это столь тяжкое не только из-за своей протяженности, но и из-за одновременности: желания, не найдя удовлетворения, воздействуют не по очереди, как в жизни, а все и разом. Что касается мест, предназначенных для грешников и праведников, говорится, что они могут иметь разделения. В этом случае есть вероятность, что души людей, которые были знакомыми или родными, могут попасть в разные отдаленные друг от друга места. На вопрос внука о судьбе младенцев старик точно не отвечает, ибо это самый сложный и неясный вопрос, но вероятным считает, что Бог отвел им особое место. И по поверью многих людей, это место среди ангельских служебных чинов.

Далее Болотов вновь возвращается к историям с призраками, более подробно рассматривая их.

Интересной для нас здесь является взаимосвязь со сновидениями. Поскольку во снах мы можем ощущать без опоры на органы чувств, есть большая вероятность, что после смерти душа будет иметь подобное состояние. Говоря шире, сон всегда сравнивался со смертью: аллегорическим примером можно считать Гипноса, бога сновидений, который был младшим братом Таната, бога смерти. Сон — это определенное естественное измененное состояние сознания человека (в некоторых культурах он соотносится с выходом за пределы человеческого тела). Так или иначе, сон действительно и внешне и, возможно, внутренне напоминает околосмертные состояния. Поэтому изучение состояния сна может еще на шаг приблизить нас к осмыслению вопроса о загробной жизни души. Хотя во сне мы проявляем возможность проецировать все пять чувств, Болотов настаивает на том, что душе не понадобится обоняние, осязание и чувство вкуса. Он делает эти выводы на основании сновидений, но, вероятно, они ошибочны в силу того, что все эти чувства вполне могут быть проявлены и в этом состоянии. Полагаем, что сам автор не столь глубоко занимался темой сновидений или же имел некое искаженное восприятие этого состояния, подобно тому, как, например, некоторые люди видят только черно-белые сны.

5. «Не бывает ли с состоянием их в течение сего времени каких-либо перемен или не бывает?»

Четвертый разговор внука со стариком посвящен именно этой теме. Здесь присутствует обширное отступление, которое касается критики католической и протестантской веры, но мы не будем останавливаться на этих доводах. Единственным интересующим нас моментом является критика представлений о Чистилище. Но и здесь Болотов указывает на сложность вопроса: единственно точно можно утверждать, что в Библии о Чистилище нигде не упомянуто. Что же касается перемен в душах умерших людей, то автор на основе Греческой православной веры излагает концепцию, будто такие перемены возможны, как возможны и прощения грехов в будущей жизни. Доказательством этого служат слова из Библии и наше моление, и помин за покойных.

6. «Что с ними воспоследует при воскресении мертвых и после оно?»

Пятый и шестой разговор относятся к разбору этого вопроса. О времени Конца Света знать мы не можем, ибо это известно только Богу. Попытки же людей высчитать дату Страшного суда приводили к спекуляциям, выманивая денег и имущества верующих в эпоху Средневековья. Об Армагеддоне нам известно только из Писания, из книг пророков Исаяи и Даниила, а также из Откровения Иоанна Богослова. Затем автор излагает концепцию богослова Бегеля, в которой говорится о Даниловых седмицах (в первый год последнего тысячелетия должен случиться Конец Света). Выделяется также особенная роль русского народа как хранителя истинной веры, благодаря которой он будет менее всего подвержен катастрофам. Вначале же перед

катастрофами все религии, кроме христианства, будут уничтожены, а само христианство избавится от людских выдумок и суеверий. После среди людей воскреснут святые, которые будут бессмертны телом. При этом обычные люди останутся почти прежними, но улучшатся в качествах своих. А благодаря мудрости воскресших учителей и их знанию о душах умерших людей, человечество познает многое до этого не познанное. В следующей беседе старик рассказывает внуку о кончине мира. Он выделяет три великих происшествия: воскрешение мертвых, разрушение Вселенной и пришествие Спасителя. Здесь мы отметим несколько важных моментов. Во-первых, критикуется позиция тех, кто не верит в чудесное воскрешение, во-вторых, приводятся две точки зрения на воскрешение в телах (по первой версии тела будут подобны тем, что были в момент расцвета сил, по другой — в момент смерти). Но тела эти должны быть из тонкого эфира. После же воскрешения и превращения тел всех людей в эфирные оболочки ангелы отберут праведников от грешников, и начнется разрушение мира.

7. «Чем судьба и участь каждого из них, наконец, кончится?»

С седьмого по девятый разговор старик научает внука касательно этого вопроса. Много говорится в этих главах на основе Откровения Иоанна Богослова. Автор повествует об участи грешников, которые должны будут отделены от праведных душ и помещены в страшное место для пребывания в вечном страдании (туда же будет отправлен и Сатана). Как видно из текста, Болотов придерживается ортодоксальной позиции христианства относительно участи душ. Однако в рамках греческого христианства бытовала еще одна интересная концепция, которая называется Апокатастасис, то есть всеспасение. Эту концепцию разработал христианский богослов Ориген, и представлена она в его труде «О началах», впоследствии вызвавшем гонения на его последователей. Смысл

апокатастасиса в том, что Конец Света не закончится, пока все души не искупят свои грехи и не преобразуются, чтобы вступить в Царство Божье. Но в данном диалоге идея в корне иная, здесь торжествует справедливость в разделении, и участь праведных и блаженных гораздо лучше участи грешных душ. Праведные и блаженные будут жить в Новом Мире и всячески оберегаться Господом.

Рассмотренная нами философско-религиозная концепция А. Т. Болотова по праву может считаться первым, а также весьма подробным изложением взглядов на проблему загробного существования души. К трактату «О душах умерших людей» можно обращаться как к классическому изложению христианской мысли в области этого неоднозначного вопроса. Танатология Болотова даже при ярко религиозном окрасе представляет собой философский взгляд на проблему.

Вопросы, касающиеся существования души после смерти, всегда будут волновать ум любого человека, и философия, как и религия, может дать свои ответы. И завершая эту статью, напомним знаменитые слова Сократа — «Философия есть забота о смерти».

Литература

1. Болотов А. Т. О душах умерших людей. СПб.: Алетейа, 2006.
2. Книга загробных видений. Серия «Александрийская библиотека». СПб.: Амфора, 2006.
3. Смерть и жизнь после смерти в мировых религиях. СПб.: ББИ, 2007.
4. Мордовцева Т. В. Идея смерти в культурфилософской ретроспективе. Т., ТИУиЭ, 2001.
5. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Пер. И. Богущкого. Киев: Ирис; М.: Алетейа, 1998.
6. Теодор Эберт. Сократ как пифагореец и анамнезис в диалоге Платона «Федон». СПб.: С.-Петербургский университет, 2005.